

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Георгий Карлович Вагнер

25 января 1995 г. скончался доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР, крупнейший знаток и исследователь древнерусского искусства Георгий Карлович Вагнер.

О неоценимой роли Г. К. Вагнера в деле изучения культуры Древней Руси, особенно памятников Владимиро-Суздальской земли, несомненно еще напишут специалисты. Для нас же, членов Редколлегии, авторов и читателей «Трудов Отдела древнерусской литературы», эта потеря не менее ощутима. Георгий Карлович Вагнер вслед за Д. В. Айналовым, Н. Н. Ворониным и другими проявлял постоянный интерес к связям искусства и литературы Древней Руси. Так, на основе внимательного изучения архитектуры, скульптуры и прикладного искусства Г. К. Вагнер разработал свою оригинальную методику, позволяющую рассматривать памятники домонгольского искусства в эстетической системе своего времени.

Для этого он обращался к конкретным текстам: русским летописям, апокрифам («Соломонов цикл», легенда о семи отроках эфесских, Голубиная книга), к Хронике Георгия Амартола, Повести об Акире Премудром, «Слову о полку Игореве», «Молению Даниила Заточника», «Слову о погибели Руския земли». Сопоставляя, например, два последних памятника со скульптурой Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Г. К. Вагнер увидел в них идейно-художественное родство («слияние книжного и фольклорного» начал, «усиление личного начала»¹ и т. д.).

Трудно переоценить выдвинутую Г. К. Вагнером проблему жанров в древнерусском искусстве. Основываясь на ряде положений Д. С. Лихачева о поэтике русской средневековой литературы, Г. К. Вагнер обнаруживает сходные явления и в изобразительном искусстве. Он включает его в широкий историко-литературный и теоретико-богословский контекст. В зависимости от функционального назначения памятника и от предмета изображения ученый выделяет, например, символично-похвальный, легендарно-исторический, символично-догматический и другие жанры; он обнаруживает в архитектуре и искусстве Древней Руси определенную систему основных и подсобных жанров и вводит понятие «жанрового синтеза»: «Правильнее говорить не о зависимости жанров изобразительного искусства от литературных, — пишет Г. К. Вагнер, — а о параллелизме процесса жанрообразования».²

Не менее важное значение имеет и другая теоретическая работа Г. К. Вагнера о каноне и стиле в древнерусском искусстве (1987 г.). Стиль

¹ ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 51.

² Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974. С. 135.

рассматривается в ней «как мировоззренческая, эстетическая проблема и вместе с тем как исторически конкретная категория».³

Несмотря на глубокий интерес к теоретическим проблемам, Г. К. Вагнер никогда не был строго кабинетным ученым: в нем счастливо сочетался интерес к натурному обследованию памятников в полевых условиях с их глубоким концептуальным истолкованием. Одновременно ученый стремился популяризировать научные открытия археологов, искусствоведов и реставраторов. Его книги (издано более 20 книг) охотно печатали не только центральные научные издательства, но и местные краеведческие организации, например, в Рязани и во Владимире. В каждой книге он старался передать самому широкому читателю любовь к русской земле и к русской культуре: в серии «Дороги к прекрасному», например, вышел ряд его увлекательных книг.

Г. К. Вагнер сам был уроженцем Рязанской земли (родился в 1908 г.). Воспитанный в семье «интеллигентов среднего сословия» (так им определялась среда родного Спасска-Рязанского), он получил художественное образование в Рязанском училище (техникуме) и навсегда сохранил чувство благодарности своим первым учителям — Д. Д. Солодовникову, А. А. Мансурову, А. И. Фесенко, И. И. Куриленко (им он посвящал свои книги). Талантливому юноше, потомку знаменитого немецкого композитора Рихарда Вагнера не удалось получить высшее образование: в 1937 г. за критику плана реконструкции Москвы (несогласие с разрушением храма Христа Спасителя, Сухаревой башни, Красных ворот) он был арестован, осужден и направлен на Колыму на пять лет. Поскольку освобождение состоялось во время войны, в мае 1942 г., его оставили там же еще на пять лет без права выезда. Короткое время (1947—1948 гг.) Г. К. Вагнер работает в Рязанском музее, но в начале 1949 г. следует арест и приговор к ссылке в пос. Бельск Красноярского края. Освобождение состоялось в 1954 г., реабилитация последовала позднее. В конце 1956 г. Г. К. Вагнер с помощью А. П. Окладникова был принят в Институт археологии Академии наук в Москве. Здесь под руководством Н. Н. Воронина он включается в изучение древностей Владимира, Суздаля, Рязани, Москвы. Работает сначала лаборантом, затем и научным сотрудником; он стал автором оригинальных статей и книг. Отсутствие вузовского диплома создало для него почти непреодолимую стену в получении бесспорно заслуженной им ученой степени. Однако ряд авторитетных ученых, в том числе Д. С. Лихачев и Н. Н. Воронин, добился исключения из общих правил — и Г. К. Вагнер был допущен к защите кандидатской диссертации, которая превзошла ожидаемый результат: за две книги по реконструкции Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском диссертанту была присуждена ученая степень доктора искусствоведения. С этих пор (после 1968 г.) и стали выходить одна за другой капитальные монографии Г. К. Вагнера, а также альбомы, иллюстрированные книги-очерки, теоретические труды. Ученый выступает с рецензиями на работы коллег; особенно известны его многочисленные выступления в качестве официального оппонента на ученых советах университетов и художественных вузов страны. В 1980 г. Г. К. Вагнеру была присуждена золотая медаль Академии художеств, в 1983 г. — Государственная премия СССР.

Для всех, кто знал Г. К. Вагнера, неповторимость его личности выражалась в страстной увлеченности своим делом, в высокой порядочности,

³ Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987. С. 7.

принципиальности, исключительной скромности.⁴ Он бескорыстно совершал много добрых дел, может быть, не вполне оцененных, и потому зачастую служил как бы живым упреском для тех, кто подобными свойствами не обладал. Большинство же его коллег, учеников и просто читателей навсегда сохранит самую теплую и благодарную память об этом ученом и человеке.

О. А. Белоброва, М. В. Рождественская

Марианна Давидовна Каган-Тарковская (1931—1995)

21 февраля 1995 г. в Санкт-Петербурге после тяжелой болезни скончалась Марианна Давидовна Каган — известный филолог-медиевист.

М. Д. Каган родилась 28 декабря 1931 г. в Ленинграде. В 1954 г. она окончила исторический факультет ЛГУ, где ее любимыми учителями были Б. А. Романов, И. И. Смирнов и Д. С. Лихачев, привившие ей интерес к истории и литературе средневековой Руси. После окончания университета М. Д. Каган в течение ряда лет работала в научных библиотеках Ленинграда, не оставляя, однако, своих занятий древнерусской литературой. Ее статьи о легендарной переписке Ивана Грозного с турецким султаном и о «Повести о двух посольствах», основанные на дипломной работе, сразу же привлекли внимание ученых — их упоминал академик В. В. Виноградов в докладе на IV Международном съезде славистов в 1958 г. и Д. С. Лихачев в своей монографии «Текстология» в 1962 г. Эту тему М. Д. Каган не оставляет и в дальнейшем, исследуя и публикуя все новые и новые памятники этого жанра.

В 1977 г. М. Д. Каган была включена в состав созданной академиком Д. С. Лихачевым Археографической группы и с этой поры смогла полностью отдаться исследовательской работе. В 1978 г. она защищает кандидатскую диссертацию. В 1980 г. выходит в свет фундаментальное археографическое и текстологическое описание ефросиновских сборников (ТОДРЛ. Т. 35), составленное М. Д. Каган, Н. В. Поньрко и М. В. Рождественской. Активно включается М. Д. Каган в работу над «Словарем книжников и книжности Древней Руси», для которого она написала несколько десятков статей. Ее статьи всегда отличает тщательность, исчерпывающие археографические и библиографические сведения, это всякий раз — миниатюрные монографические исследования. Круг памятников и имен, которым посвящены статьи М. Д. Каган, необычайно широк: это и апокрифы, и жития русских святых, и пьесы XVII в., и повести и легенды, и биографические справки о писателях, переводчиках и редакторах, переписчиках.

Столь же продуктивным было участие М. Д. Каган в «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», для которой ею написано более двадцати статей, среди которых особого внимания заслуживают разыскания о поддельных

⁴ Как выяснилось, никогда не печатался список работ Г. К. Вагнера; нигде не отражена его научная и педагогическая деятельность. Возможно, он уже не успел познакомиться с единственным научно-биографическим очерком в работе: Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4. С. 209—210. Благодарим Л. М. Всевиова за указание на эту публикацию.

списках «Слова», о знаменитых мистификаторах А. И. Бардине и А. Сулакадзе. Обстоятельность и скрупулезность отличает и статьи М. Д. о переводчиках и исследователях «Слова». В последние годы жизни М. Д. Каган участвовала еще в одной коллективной работе Отдела древнерусской литературы — составлении библиографии.

М. Д. Каган отличало умение и стремление участвовать в коллективных трудах Отдела древнерусской литературы — «Памятниках литературы Древней Руси», уже упоминавшихся «Словаре» и «Энциклопедии», библиографии работ по древнерусской литературе. При этом она всегда была исключительно надежным сотрудником, который никогда не подводил в сроках и не грешил в качестве.

М. Д. Каган отличала необычайная скромность, сердечность, отзывчивость, готовность помочь товарищам по работе.

Память о М. Д. Каган, так любившей древнерусскую литературу и так много успевшей сделать для ее изучения несмотря на все превратности судьбы, останется в сердцах всех, кому привелось трудиться рядом с ней.

О. В. Творогов

Яков Соломонович Лурье (1920—1996)

18 марта 1996 г. скончался выдающийся исследователь древнерусской литературы Яков Соломонович Лурье.

Первые свои научные статьи он опубликовал еще будучи студентом ЛГУ, и с той поры исследовательская работа стала не просто неотъемлемой частью, но, пожалуй, стержнем его бытия. Обширные познания, необычайная увлеченность своим делом, колоссальная работоспособность — эти качества позволили Я. С. добиться весомых научных результатов и принесли ему заслуженный авторитет среди медиевистов.

После цикла работ о древнерусских еретических движениях XIV — начала XV в., обобщенных в совместной с Н. А. Казаковой монографии 1955 г., Я. С. не смог оторваться от этой интереснейшей эпохи. Продвигаясь в своем исследовании к концу XV столетия, он расширяет круг известных нам деятелей древнерусской культуры фигурой книжника Ефросина, вводит в научный оборот памятники переводной беллетристики — «Сербскую Александрию» и «Стефанита и Ихнилата» как свидетельства новых духовных запросов русского общества в эпоху Предвозрождения.

Историка по образованию Я. С. в то же время чрезвычайно интересовала художественная специфика древнерусской литературы. Его размышления об этапах развития сюжетного повествования в Древней Руси нашли воплощение в задуманной и отредактированной им коллективной монографии «Истоки русской беллетристики» (1970).

Однако самой дорогой для Я. С. областью исследования была история русского летописания. Ученый оставил нам фундаментальный труд «Общерусские летописи XIV—XV вв.», «Две истории Руси 15 века», множество статей о взаимоотношении летописных сводов, о тех или иных летописях и, главное, о методике исследования летописного материала. Эта проблема

интересовала Я. С. в не меньшей мере, чем собственно источниковедческие вопросы: неустанно подчеркивал Я. С. ответственность ученого, с тревогой писал о том, как догадки, возведенные в ранг обоснованной теории, могут существенно исказить не только наши представления о текстах, но и о самих событиях прошлого.

Я. С. не боялся черновой текстологической работы, охотно участвовал в изданиях древнерусских памятников. Он самостоятельно или в соавторстве подготовил наиболее авторитетные издания сочинений Ивана Грозного и Афанасия Никитина, «Сербскую Александрию» и «Повесть о Дракуле», ряд книг в серии «Памятники литературы Древней Руси».

Я. С. работал до последних дней жизни: подготовил комментарий к «Истории русского летописания XI—XV вв.» М. Д. Приселкова, которого читал как своего учителя.

Я. С. ушел от нас в разгар интенсивной научной деятельности. Таким, всегда углубленным в очередную научную проблему, озабоченным и спешащим, он и останется в памяти всех, кому привелось работать рядом с ним. Память о нем останется навсегда.

О. В. Творогов.